

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1986

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*



ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1986

К СООТНОШЕНИЮ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В ТЮРКСКИХ АКЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМАХ

«Глагол . . . формирует на основе своего главного понятийного признака значения, в корне отличные от предметных . . . глагол характеризуется такими значениями, которые отражают характер действия, особенности протекания процесса, способ его осуществления, его источник и конечный результат. . . Ведь многие действия и состояния мыслятся не абсолютно, не в полном отвлечении от тех предметов, в которых они наблюдаются, но, напротив, применительно к тем предметам, с которыми эти действия происходят».¹ Указанные семантические особенности глаголов детерминируются свойствами отображаемых явлений реальной действительности, а именно познаваемыми в процессе трудовой деятельности качественными сторонами вещей и их взаимными отношениями. Однако сам ход отражения в сознании действительности, воспринимаются ли сами вещи или же воспринимаются свойства и отношения тех же вещей, остается одинаковым: активная производственно-социальная деятельность человека формирует в его сознании разноуровневые многоступенчатые абстракции — образы, результаты отражения объекта. Эти образы суть единицы мыслительные. Естественно, что такие образы, какого бы уровня отвлеченности они ни были, в конечном счете определяются свойствами объективной действительности. Но, как известно, «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»,² и эта творческая сторона отражения предстает в нашем случае как интерпретация познанных разнообразных сторон действительности в качестве процессов. Такова онтолого-гносеологическая природа данного класса образов.

«Неязыковое знание находит отражение в языковом знании (И. А. Бодуэн де Куртене)».³ «Языковое знание» — продукт общественно-коммуникативной деятельности, оно формируется в актах коммуникации на основе связей между образами — абстракциями мыслительными и значениями языковых знаков, определяемыми как «абстрактные коммуникативные образы».⁴ Из сказанного следует закономерный вывод о том, что с опреде-

ленным подмножеством класса процессуально-содержательных образов соотносятся языковые значения, которые представлены в классе слов, относимых к части речи глаголу. Семантика процессности является в глаголе важнейшим его обобщенным категориальным свойством, присущим глагольной лексеме и определяющим ряд других признаков последней, в том числе и ее функциональные потенции. Таким образом, те содержательные особенности глагола, которые отмечены в цитате из работы Е. С. Кубряковой, действительно могут быть предопределены реальностью и поэтому закреплены в языковом значении, предназначенном для коммуникации. Языковое значение обязательно связано с языковым знаком, получает формальное выражение. Это может быть одна морфема, комбинация нескольких морфем или более сложное и развернутое их сочетание, а также типовая языковая модель.

Выделяют разные типы морфем, но для нашего изложения важно указать на морфемы корневые (включая понятие и о корневой основе, или базе) и деривационные (т. е. словообразовательные и словоизменительные). Оба типа связаны с лексическими, «вещественными», значениями, направленными вне языка.

В отношении корневых морфем (баз) с «вещественным» содержанием можно сказать, что в их значениях, как это неоднократно подчеркивает Г. В. Колшанский, закреплены в абстрактном виде строго определенные, выделенные как существенные признаки познанного отдельного дискретного факта (объекта) действительности. И эти «существенные и постоянные признаки» устойчиво удерживаются в слове (лексеме) «при всех употреблениях его в конкретных контекстах».⁵ Г. П. Мельников также считает, «что „жестко“ ассоциированная с образом знака коммуникативная абстракция (т. е. значение. — Д. Н.) есть тот инвариант, который сохраняется при обозначении любого смысла с помощью данного знака».⁶ Это — инвариантная составляющая последнего, его постоянный содержательный признак.

Различение языковых значений и внеязыкового мыслительного содержания, или смыслов, исходит из признания относительной самостоятельности языка и мышления при наличии между ними сложных взаимоотношений.⁷ Это значит, что мыслительные процессы первичны по отношению к языковым и что наборы и объемы смыслов значительно шире и богаче того содержания, которое закрепляется в языке (в языковых значениях). С другой стороны, одно значение может соотноситься с целым рядом смыслов. Таким образом, в конкретном языке не наблюдаются однозначные соответствия между значениями языковых единиц и передаваемыми смыслами. Поэтому важно при грамматическом описании, различая эти два аспекта содержания, не подменять языковые значения достаточно абстрактными смыслами, передаваемыми в высказывании.

В каждом языке в значениях лексем закреплены присущие именно данному языку результаты гносеологической деятельности

его носителей. Но, будучи обобщенными и отвлеченными, лексические значения тем не менее не являются элементарными. Как уже отмечалось, в образе закрепляются признаки разной абстрагированности, в том числе и такие, которые поднимаются до уровня категориальных обобщений; ср., например, предметность, процессность, количество, деятель, одушевленность и др.

Деривационные морфемы, имея свои собственные значения, видоизменяют, дополняют, уточняют или преобразуют значения корневых (производящих) морфем, они участвуют в построении более сложных номинативных единиц, чем корневые (базовые) морфемы. Указанные морфемы обычно представлены аффиксами, однако деривационные значения могут быть переданы с помощью аналитических формантов (комплексных морфем), а также в дупликациях.

Значения аффиксов, хотя и характеризуются большей абстрактностью и обобщенностью, тем не менее также имеют структуру, мотивированную внешним миром.⁸ В них, как правило, находят отражение признаки и отношения, свойственные познаваемым объектам. Подчеркнем, что деривация — это вторичный процесс, происходящий на основе знания значений исходной базы, значения производящего форманта и ожидаемого результата взаимодействия этих двух значений, т. е. это эвристическое синтезирование **н о в о г о ц е л о г о**, представленного до того элементами — более конкретным («вещественным») в базе и более абстрактным (обычно именуемым «грамматическим») в аффиксе. Естественно, что за такими процессами также стоит активная познавательная-интерпретирующая функция мышления, находящаяся в коммуникативной сфере представление в форме языковых знаков.

Идея о том, что сложение корневых и деривационных морфем есть своего рода синтаксическое построение, аналогичное словосочетанию, не чужда тюркской теоретической грамматике и находит свое обоснование в ряде работ.⁹ Важно также подчеркнуть, что тюркологи отмечают сложность семантических отношений между морфемами — участниками деривационного акта.¹⁰

Что касается конструирования значений конкретных языковых знаков и иерархизации их компонентов, то они возможны благодаря вычленению абстракций разных рангов (т. е. признаков различных степеней обобщенности и отвлеченности) и вторичной интерпретации (в том числе и значимостей знаков) на уровне лингвистической теории (научной рефлексии). И все же, как представляется, нельзя не согласиться с выводом Г. В. Колшанского о том, что «в пределах языка всегда можно вычленить сегменты и установить микросистемные отношения как в лексике, так и в грамматике. Поиски системности в лексике есть не что иное, как поиски тех связей денотативного характера, которые группируют соответствующие языковые явления вокруг какого-либо объективно существующего явления (описание, например, семантического поля родства, цвета, каузальности и т. д.)».¹¹ Иначе говоря,

каждое такое обобщение имеет онтолого-гносеологическое обоснование и протекает обычно на основе процедуры интерпретации, под которой А. А. Холодович понимал «соотнесение факта языка с фактом объективной действительности»;¹² конечно, нельзя забывать, что связь «язык — реальность» не прямая, а всегда опосредованная тем мыслительным образом, в котором отображен этот факт или событие действительности, корригируемые накопленным знанием.

Опыт таксономии языковых значений производящих и производных лексем и деривационных морфем предложен недавно Е. С. Кубряковой,¹³ для которой исходным является признание ономаσιологической природы основных категорий языка — предметности, процессуальности и признаковости. Очевидно, можно полагать, что дальнейшая субкатегоризация значений (обычно в рамках отдельных частей речи) действительно определяется этими главнейшими категориями. Но самое важное положение, которое необходимо принимать при анализе значений, это то, что они — значения языковых знаков и, следовательно, необходимо сопряжены с формальным представлением. За значением языкового знака стоит только коммуникативно важные признаки, содержательно весьма обобщенные, — о чем говорилось выше, — номинация (особенно вторичная, при деривации), очевидно, не может опираться только на такие отвлеченные признаки, релевантные в самом языковом механизме. Для эвристического синтезирования результата деривации, видимо, необходимо подключение более конкретных признаков именуемого факта. Знание об этих познаваемых (~ познанных) свойствах явления отражается на уровне мыслительного содержания, которое и детерминирует в данном случае ход деривационного процесса на уровне языка в его знаковой форме. Думается, что именно творческим мыслительным актом определяется «неповторимость семантики» производного слова, мотивированность структуры (через смыслы и значения) деривата.

В тайны первичной номинации проникает этимология, благодаря которой удастся выделить признаки, отвлеченные некогда сознанием от реалий и отмеченные в абстрактной форме в значении корня. Знание о стоящих за словами современных предметах и явлениях опирается прежде всего не на эти тощие абстракции, а на более полнокровные образы существующих реалий, которыми оперирует мышление.

Как уже говорилось, категориальным содержанием глагола является процессность, представление свойств и отношений как процесса. В самой действительности процессу присущи качественные и количественные признаки. Поэтому в значении корневой (базовой) лексемы закреплены в общем виде и эти свойства процессов. Такие признаки в современной грамматике относят к аспектуальным, это — особенности действия-процесса «с точки зрения протекания и распределения во времени».¹⁴ В глаголе как процессы представлены не только свойства изменяющиеся, но и

свойства постоянные, статические. Однако это сущностное различие свойств оказывается в своем системно-языковом проявлении значимым грамматически, подчиняя себе организацию высказывания и определяя функционирование глагольной лексемы. В данном случае на особом категориальном содержании формируются «грамматические классы или, точнее, разряды лексических значений» слов:¹⁵ глаголы действия и глаголы не-действия, или состояния.

И. И. Мещанинов подчеркивал, что полярные группировки глаголов действия и состояния связаны между собой постепенными переходами, где затухают одни признаки и соответственно возрастают противоположные.¹⁶ Если глаголы действия и не-действия являются двумя наиболее общими лексико-грамматическими разрядами глаголов вообще, определяемыми внутренними свойствами «вещественных» значений, то соподчиненные их подразряды отражают типы действий и состояний, которые соотносятся с упомянутыми крайними типами процессов вообще. Таким образом, на этом семантическом основании деления значений выстраивается целая пирамида соподчиненных разрядов и подразрядов, классов и подклассов лексем. И чем ниже опускаться по такой пирамиде, тем более значимыми и выпуклыми будут становиться конкретные особенности глагольного содержания, выражаемого отдельной лексемой, и поэтому кажется, что место лексико-грамматических признаков занимают признаки лексико-семантические и лексико-грамматический разряд пересекается уже с лексико-семантической группой глаголов. Однако это не так: здесь лексико-семантическая группа — закономерное проявление последовательного распределения глагольной лексики, основанного на лексико-грамматическом противопоставлении глаголов действия и состояния. В этом смысле лексико-семантическая группа остается столь же грамматически значимой в рамках данной корреляции, как и весь разряд, ибо в конечном счете реальное проявление данного противопоставления осуществляется всегда через отдельно взятый глагол, конкретную лексему.

Входящие в лексическое, «вещественное», значение корневой лексемы характеристики процесса являются по своему содержанию, конечно, весьма отвлеченными, но благодаря связям языкового значения с мыслительными образами, содержательно более емкими, а также употреблению глагола в высказывании, соотнесенном с ситуацией, такие характеристики уточняются, наполняются дополнительными оттенками, и тем самым конкретное действие предстает для коммуникантов во всей полноте его свойств, в том числе и аспектуальных.

Исследователи, занимающиеся описанием лексико-семантических групп в различных языках, обращают внимание на тот факт, что отдельные самостоятельные лексические значения глаголов могут различаться по своим аспектуальным признакам, сохраняя идентичность или большую близость «вещественного» содержания. Так, среди глаголов движения чувашского языка в группе, пере-

дающей направленное движение, выделяется подгруппа глаголов, в значениях которых отражено противопоставление по степени интенсивности процесса; ср.: *сўре* 'двигаться вообще' (признак интенсивности не выделен) — 'двигаться интенсивно' [*йтйл, ёшкён, ёёс, ёрёх, ҳиқ* и др.] (признак интенсивности является одним из компонентов значения) — 'двигаться не интенсивно, медленно' [*танқайш, ййшалан, ленккё, лапйстат* и др.] (признак ослабленности входит в значение).¹⁷ Аналогичные семантические компоненты отмечаются в лексических значениях самостоятельных лексем и в узбекском языке, где по интенсивности движения различаются глаголы *югурмоқ, чопмоқ, кочмоқ, елмоқ, ҳувомоқ*.¹⁸

Различными оттенками интенсивности процесса, отображаемого в лексическом значении, характеризуются также и глаголы звучания, например узб. *тахоламоқ, хехеламоқ, қиқирламоқ, пиқирламоқ*.¹⁹ Градации скорости протекания процесса отмечены также и в глаголах говорения; ср. узб. *бидирламоқ, вижирламоқ, какшамоқ, ғулдирамоқ, имилламоқ* и др.²⁰ В лексических значениях глаголов могут выделяться и другие семантические компоненты, передающие особенности процессов. Но все это внутренние составляющие единого лексического значения, соотносящегося с целостным отображением отдельного факта. Словом, аспектуальные признаки существуют и осознаются в лексическом значении глагола так же, как и признаки в значении имени существительного; например, в значениях слов узбек. *пода* 'стадо', *гала* 'стая', *тўда* 'группа', 'толпа', *йилқи* 'табун', *кўч* 'рой' «вычленяется» отвлеченное свойство 'собирательное множество'; в словах *ўрмон* 'лес', *тўқай* 'заросли', *боғ* 'сад', *чакалак* 'чаша' выступает также 'собирательное множество', но уже не существ, а растений; в словах *ҳулоқ* 'ухо, уши', *оёқ* 'нога, ноги', *кўз* 'глаз, глаза', *эмчак* 'грудь, груди' отмечается значение 'парность' или 'двойственность' и т. п.

Таким образом, в означаемом языкового знака для корневого или непроеводного (на синхронном уровне) глагола нет особых формальных компонентов, несущих содержательную информацию о свойствах или характеристиках развертывания процесса. Информация об этом черпается из единого значения знака и в большей мере подсказывается знанием о свойствах реального события, отраженным сознанием. Однако в тюркских языках наличествует набор формальных средств — деривационных показателей, специально предназначенных для выражения характеристик развертывания процесса, передаваемого глаголом. Эти показатели передают значения способов действия глаголов, или Aktionsart'a, поэтому такие значения мы будем называть акциональными.²¹ В тюркских языках такие деривационные значения выражаются аффиксами и аналитическими формами, а также приемом редупликации.²²

Каждый деривационный показатель обладает своим собственным языковым значением, с помощью которого происходит видо-

изменение значения производящей основы. Акциональные значения аффиксов расцениваются как грамматические и описываются в грамматиках в разделе морфологии (правда, в лингвистике идут споры о месте деривации в системе языка). Акциональные значения являют собой «ограниченное число типично примышляемых к [лексическому значению глагола] абстрактных значений»;²³ в данном случае это такие свойства процесса, как длительность и краткость, интенсивность и ослабленность, ограниченность и неограниченность, начало и окончание, многократность и однократность и т. п. Все эти характеристики отвлечены мыслью от реальных событий и в качестве коммуникативно значимых закреплены в значениях специализированных языковых знаков. Сочетаемость лексических и деривационных значений, как уже указывалось, сложный процесс эвристического их синтезирования. Спорной проблемой, на которую мало внимания обращает современная аспектология, остается квалификация статуса деривата, производной, модифицированной акционально лексемы. Если для признания в качестве отдельных двух лексем типа узбек. *чопмоқ* 'ехать вскачь' и *елмоқ* 'нестись во весь опор', различающихся интенсивностью процесса, видимо, ни у кого не возникает возражений, то противопоставление лексемы узбек. *ухламоқ* 'спать' и аналитической конструкции *ухлаб бормоқ* 'спать всю дорогу' (Самарқандгача ухлаб бордим 'Я [про]спал до самого Самарканда') оценивается тюркологами не однозначно.²⁴ По мнению А. А. Юлдашева, здесь «словообразование» сопровождается значением «процессуальности или типичности», а в случае *яхшиланмоқ* 'улучшаться' и *яхшиланиб бормоқ* 'улучшаться' различие состоит только в выражении аналитической формой «процессуальности перехода из одного состояния в другое»,²⁵ т. е. различие оказывается как бы только акциональным.

Проблема сдвига лексического значения при образовании сложноподлежащей конструкции со значением способа действия, видимо, не поддается однозначному решению. Однако в любом случае необходимо подчеркнуть тот факт, что результатом такой деривации всегда бывает наращение акциональной характеристики процесса, причем новый компонент лексического значения, выраженный формально, отличается большой обобщенностью, абстрактностью, тип которой выявляется в целом подклассе таких образований, т. е. обладает свойствами грамматическими.

Трудности, испытываемые аспектологами в данных вопросах, представляются совершенно обоснованными. Область акциональной деривации, сфера способов действия глагола захватывает разные языковые уровни и расположена в пограничных областях, проникая в денотативный, словообразовательный и категориально-грамматический ярусы языковой семантики. И это не случайно: модификация именно качественно-количественных признаков процесса может нарушить естественную меру данного процесса, и в таком случае в сознании носителя возникает представле-

ние уже о новом процессе, отличном от исходного. Однако стремление прервать этот диалектический путь рамками жесткой классификации оказывается не всегда оправданным и результативным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978, с. 101—102.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 194.

³ Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978, с. 34, см. также с. 37—39. Мельников Г. П. 1) Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978; 2) Типы означаемых языкового знака и детерминанта языка. — В кн.: Проблемы семантики. М., 1974; 3) Семантика и проблемы тюркологии. — Советская тюркология, Баку, 1971, № 6.

⁴ Мельников Г. П. Системология. . . , с. 261.

⁵ Колшанский Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации. — В кн.: Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977, с. 114.

⁶ Мельников Г. П. Системология. . . , с. 271.

⁷ Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл; Мельников Г. П. Системология. . . , с. 267—290; Павлов В. М. Языковая способность человека как объект лингвистической науки. — В кн.: Теория речевой деятельности. М., 1968, с. 38—68; Серебренников В. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983; Мышление: процесс, деятельность, общение. М., 1982, с. 36, 46—47 и др.

⁸ Мельников Г. П. 1) Системология. . . , с. 270; 2) Скрытая смысловая деривация с позиций системной лингвистики. — В кн.: Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, 1977, с. 64—92; Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 78.

⁹ См.: Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков: (Структура слова и механизм агглютинации). М., 1979.

¹⁰ См.: Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966; Ганиев Ф. А. Суффиксальное образование глаголов в современном татарском языке. Казань, 1976.

¹¹ Колшанский Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации, с. 139.

¹² Холодович А. А. О предельных и непредельных глаголах. — В кн.: Филология стран Востока. Л., 1963, с. 7.

¹³ Кубрякова Е. С. Типы языковых значений, с. 115 и след.

¹⁴ Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии. — В кн.: Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978, с. 8.

¹⁵ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 87.

¹⁶ Мещанинов И. И. Глагол. М.; Л., 1948, с. 130.

¹⁷ Васильева Т. Н. Глаголы движения в современном чувашском языке. АКД. Уфа, 1980, с. 14—15.

¹⁸ Халиков К. Глаголы движения в современном узбекском литературном языке. АКД. Самарканд, 1967, с. 4—5.

¹⁹ Мухитдинова Х. С. Глаголы звучания в узбекском языке. АКД. Ташкент, 1979, с. 19.

²⁰ Кучкартаев И. Семантика глаголов речи в узбекском языке. АДД. Ташкент, 1978, с. 13—14. Ср.: Степанова Г. В. Лексико-семантическая группа глаголов речи в современном русском языке. АКД. М., 1970, с. 15.

²¹ См.: Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии. 2. — Вопросы русской аспектологии. II. Тарту, 1977, с. 3—13; Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977, с. 21—38.

Ср., однако: *Маслов Ю. С.* Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного / несовершенного вида. — Советское славяноведение, М., 1973, № 4, с. 73.

²² Подробнее см.: *Насилов Д. М.* Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках. — В кн.: Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978, с. 114 и сл.

²³ *Поливанов Е. Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, с. 24.

²⁴ *Юлдашев А. А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, с. 75—76.

²⁵ Там же, с. 75.